

Газета "Слово", № 23 (1005), от 6 - 19 декабря 2019 года

Григорий БЛЕХМАН

Как уходил СССР.

(Беседа с Сэдой ВЕРМИШЕВОЙ)

1. *Г.Б. Сэда Константиновна, с начала 90-х либеральная часть нашего общества усиленно пытается внушить всем, что конструкция государственного устройства великого в 20-м веке Советского Союза с самого начала была ошибочной. Поэтому, как любят выразиться либералы: «стоило на неё дунуть, и она рассыпалась». Что Вы об этом думаете?*

С.В. На мой взгляд, конструкция Советского Союза изначально содержала изъян, который со временем дал о себе знать. Однако, не соглашусь с тем, что говорят о ней либералы: «стоило на неё дунуть, и она рассыпалась». Конструкция была достаточно прочной, поэтому распадался СССР долго.

2. *Г.Б. Буду очень Вам признателен, если поделитесь Вашим видением – в чём состоял этот изъян?*

С.В. Конструкция Российской империи носила унитарный характер, и это отвечало интересам единства и целостности многонационального государства. В интересах управляемости громадных территорий Российская империя делилась на *административно-территориальные единицы* – губернии, уезды, округа и т.д., безотносительно к проживающим на этих территориях этносам.

Советская же модель имела двойственную природу. Так как границы территорий проживания русского этноса носили *административный характер*. На территориях же проживания остальных этносов создавались *национально-территориальные образования* в виде национальных республик и автономий, границы которых по мере их находений в составе союзного государства носили внутренний характер.

С ликвидацией же Союзного государства все *национально-территориальные образования* автоматически обрели статус суверенных государств, а их внутренние границы – статус внешних границ.

Создание национальных образований с соответствующими национальными границами в рамках единого унитарного государства и есть ошибка конституции СССР, которая привела в условиях изменения в стране внутривластной ситуации к распаду Советского Союза.

3. *Г.Б. Но распад СССР со всеми, вытекающими отсюда последствиями, о которых Вы, Сэда Константиновна, так основательно сказали, произошёл много позже правления Сталина. При нём ведь и мысли о таком быть не могло. Или Вы полагаете, что окажись у власти после Сталина лидер, близкого ему уровня государственного деятеля, а не бездарный Хрущёв и все последующие главы нашей страны, которым тоже в этом отношении далеко было до Сталина, произошло бы то же самое, что сначала привело к такой преступной перестройке, а потом и случилось в результате её «развития»? А как Вы относитесь к мысли о том, что, Советский Союз мог избежать нынешней катастрофы, прими, допустим, Брежнев экономическую реформу, предложенную Косыгиным, которая в первые же годы правления Брежнева дала серьёзный экономический эффект, и от которой потом по известным причинам, далёким от государственных интересов, Брежнев уговорили отказаться. Ведь эта реформа возвращала нас уже на новом уровне к той многоукладной экономике, какую ввёл в стране Сталин и которая давала при нём серьёзные экономические достижения. А потом всё это разрушил Хрущёв со всеми вытекающими отсюда печальными для страны последствиями. Или Вы полагаете, что виной всему, случившемуся с нашим великим СССР, является характер территориального устройства страны – «национальные границы в рамках единого унитарного государства», и это, а не бездарное послесталинское правление, является причиной наших нынешних бед? Правильно ли я Вас понял, что, если бы не было таких границ, то Советскому Союзу было бы не на что распасться, и сейчас страдала бы не каждая бывшая республика, по отдельности ставшая самостоятельным государством, а все вместе в том составе, что представлял собой единый Советский Союз?*

С.В. Совершенно верно – если бы не было послереволюционного реформирования территории значительной части Российской империи в территории национальных республик с собственными, официально зафиксированными, границами и с собственной, хотя и урезанной в пользу центра

государственностью, то, как Вы, Григорий Исаакович, выразились: «распадаться было бы не на что».

В качестве другой возможной причины распада СССР Вы упоминали слабость послесталинских руководителей государства. Несомненно, это обстоятельство негативно отражалось на стране и её гражданах, но оно больше относится к социально-экономическому положению в Советском Союзе, а не к её территориальному устройству.

Территориальное устройство, изначально связанное с Октябрьской революцией 1917 года, берёт начало оттуда – от национальной политики большевиков, в частности, провозглашённым ими сразу же после захвата власти правом наций на самоопределение вплоть до выхода из состава Российской империи. И это закончилось, в конечном итоге, роковым, как мы уже говорили, переходом от унитарной модели территориального деления страны к модели, выражаясь современным языком, смешанного или «гибридного» типа, таившей в себе все угрозы распада, который, хоть и через 70 лет, но произошёл.

Говорить же о распаде СССР, связывая это с правлением того или иного Генсека, я бы не стала. В таких масштабных явлениях, как распад Советского Союза, а он, безусловно, относится к таковым, главную роль играют, на мой взгляд, не личности, сколь выдающимися или одиозными они бы ни были, а процессы. Процесс – айсберг, личность – надводная часть этого айсберга. Подводную же часть представляют процессы общественные, политические, экономические, социальные и др. Суметь их угадать и правильно сориентироваться, вписаться или отстраниться, а не перескакивать через формации и уклады, как будто они – плетень или забор соседа, определяет успешность политики, проводимой тем или иным лидером.

Но и запаздывать с ответом на вызовы времени не стоит – негативные результаты не заставят себя ждать. Пример – 1917 год, когда царское, а потом и временное правительство не справились со стоящими перед ними задачами. Большевики же, вопреки теории Маркса, затеяли построение социализма в одной, отдельно взятой (к тому времени крестьянской), стране. Т.е., получилось, что одни запаздывали, другие забежали вперёд.

В отношении же построения социализма в одной, отдельно взятой, стране уместно вспомнить закон общей теории систем: *«Один элемент системы не может быть в состоянии ином, чем*

вся система». Товарищ Ленин, наверное, не знал этого закона, и построение социализма в одной, отдельно взятой, стране закончилось обрушением и страны, и социализма в чудовищный капитализм постсоветского образца, в котором мы по сей день пребываем.

С Вашим утверждением насчёт Сталинского правления, при котором распада СССР произойти не могло, можно, безусловно, согласиться. Но связывать это с мобилизационной моделью экономики успешной индустриальной страны, я бы не стала. Здесь первую скрипку играла существовавшая при Сталинском режиме жесточайшая централизация власти, которая по Константину Леонтьеву (1831-1881 г.г.) есть императив внутренней идеи России. А «Форма (т.е. государство С.В.) есть деспотизм внутренней идеи, не дающей материи разбежаться. Разрывай узы этого естественного деспотизма – явление гибнет» (К. Леонтьев). Вот и погибло это явление мирового масштаба – Советский Союз. Изначально неверно сконструированная модель в сочетании с ослаблением Центральной власти и достаточно окрепшими национальными республиками дала сбой.

Но сбой сам по себе произойти не мог. Кто-то или что-то должно было его спровоцировать – создать условия для его осуществления. Такие силы нашлись с обеих сторон – и в центре, и на местах.

4. *Г.Б. Спасибо, Сэда Константиновна, за такой фундаментальный анализ, который, как я понимаю, подводит к мысли о том, что «бомба», приведшая к распаду СССР, была заложена ещё в 1917 году – сначала неверными действиями царя, обернувшимися позже трагедией для него и его семьи, затем бездарными действиями Временного правительства (собственно, иначе не было бы и Октябрьской революции, и, следовательно, СССР), а после Октябрьской революции – ошибочной национальной политикой большевиков.*

*В связи с этим мне очень интересно узнать, какой видится Вам **верной** модель развития России с 1917 года, которая позволила бы нам сегодня жить в сильной, высокоразвитой стране, какой мы гордились бы, а не в такой, какая практически стала сырьевым придатком Запада?*

Понимаю, конечно, что история не приемлет сослагательного наклонения, но мысль же не остановишь. В частности, мысль о

роли личности в истории. Ведь, как уже давно показывает время, роль Сталина в истории невиданного ни до, ни после него развития нашего государства вряд ли можно переоценить. Он принял страну в очень плохом состоянии, но под его руководством она довольно скоро стала настолько мощной, что сумела в первой половине 40-х победить практически объединённую армию Европы, на которую работала оборонная промышленность почти всей Европы. Больше того, после Великой Победы 1945 года Советский Союз в невиданно короткие сроки сумел не только восстановить ту часть народного хозяйства, что была разрушена войной, но и заметно превзойти довоенный уровень.

И поэтому меня не покидает мысль, что будь после Сталина у руководства СССР его достойные преемники, страна бы никогда не распалась. Поскольку не было бы повода союзным республикам отделяться. Ведь «от добра добра не ищут».

Всё-таки время подтверждает, что известное определение Ленина: «политика – это концентрированное выражение экономики» остаётся в силе. Причём, любая политика – и внешняя, и внутренняя.

Опираясь же на Вашу мысль о том, что ускорившемуся со второй половины 80-х распаду СССР способствовали силы «с обеих сторон – и в центре, и на местах», вспомнил общебиологический закон, применимый и к социальным системам. Суть его в том, что любой вирус способен заразить и поразить лишь такой организм – биологический или социальный, – иммунная система которого ослаблена до степени, когда уже не способна сопротивляться.

На мой взгляд, после Сталина могучий при нём Советский Союз сначала медленно, а с середины 80-х уже ускоренно ослабевал, и к 90-м его иммунная система оказалась неспособной сопротивляться распаду под действием «вирулентного заражения» и извне, и изнутри.

Ведь при Сталине, несмотря на все усилия, как минимум, не менее мощные, чем со второй половины 80-х, поразить систему под названием СССР, никаким социальным «вирусам» не удавалось.

И это обстоятельство, а также, приведённый здесь тезис Ленина о зависимости политики от экономики, возвращает нас с Вами к развитию предыдущего вопроса нашей беседы – что же всё-таки по-Вашему в выстроенной Сталиным конструкции государства с такой сильной иммунной системой дало после него сбой?

Что он не учёл или не успел учесть, чтобы и после него система оставалась такой же сильной и жизнеспособной, как в его времена?

С.В. Ваш вопрос, Григорий Исаакович, состоит из нескольких подвопросов, направленных на то, чтобы рассмотреть проблему распада СССР с разных сторон. Но в конечном счёте всё равно идёт возвращение к фигуре Сталина и к тому, что, как Вы правильно заметили, «история не приемлет сослагательного наклонения».

На мой взгляд, успех или неуспех любого начинания зависит от того, насколько оно вписывается в течение естественных социальных и экономических процессов.

Сталинская экономическая модель основана на массовой мобилизации всех ресурсов – природных, людских ..., т.е., на мобилизационной модели экономики. С уходом из жизни этой волевой и неоднозначной личности получилось так, что эта модель себя исчерпала.

Усталости, как известно, бывает подвержен даже металл. Есть такая дисциплина «усталость металла». Её преподают в технических ВУЗах.

Что же тогда говорить об обществе, о людях? Хорошо бы, на мой взгляд, разработать социальную теорию с условным названием «усталость общества» и определить перечень факторов, её вызывающих. В нашем случае в обществе наступила усталость, более того – запуганность, выразившаяся в пассивности, неспособности к сопротивлению каким-либо исходящим от верховной власти инициативам, подчинение поступающим от власти указаниям, распоряжениям, сколь бы противозаконны или преступны они ни были, без какого-либо критического их осмысления. Иначе не было бы уже в наше время расстрела Белого Дома, не было бы преступных залоговых аукционов, не было бы, наконец, Беловежской пуши и рукотворного распада СССР.

Я связываю всё это с именем Сталина, потому что реализовав мобилизационную модель в экономике, диктаторский режим того времени убил в человеке, под страхом репрессий, расстрелов, ссылок и пр., независимую мысль, самодостаточную личность, парализовал в ней способность к действительному самовыражению, проявлению гражданских чувств и ещё много чего другого. Господствовало любое следование любым,

исходящим от власти указаниям, сколь бы они ни противоречили морали, совести, интересам общества. В атмосфере всеобщего страха за свою жизнь, жизнь своей семьи, личность в своей атмосфере всеобщего страха за свою жизнь, жизнь своей семьи, личность в своих гражданских, протестных проявлениях была ограничена.

А в таком случае не надо удивляться тому, что произошло после Сталина и такому набору руководителей страны, как Хрущёв, Брежнев, Горбачёв, Ельцин... Сформировавшееся в результате большевистской диктатуры и сталинского репрессивного режима общество, как и ближайшее окружение Сталина, оказалось в гражданском плане несостоятельным. Волонтаризм, выразившийся с самого начала Октябрьской революции и направленный коррекцией Лениным учения Маркса, как и модели территориального устройства Российской империи, сыграли решающую роль в распаде Советского Союза.

При Сталине централизация власти и её концентрация в одних руках не знала границ, и именно этот субъективный фактор обеспечивал единство нашей страны. Но насилие – не цемент, и действие его имеет определённые сроки.

Вы, Григорий Исаакович, ещё упомянули реформу, предложенную Косыгиным и в дальнейшем свёрнутую, как считается, консервативными кругами СССР. Реформа эта, когда она впервые была обнародована, вызвала лично у меня восторг. С таким упоением я рассказывала о её преимуществах своим ученикам – студентам технического ВУЗа. Сейчас же я рассматриваю её под другим углом зрения – с точки зрения ослабления централизации власти и усиления самостоятельности предприятий, а также, республик. На идею децентрализации и созданные (а вскоре распущенные) Совнархозы.

С позиций сегодняшнего дня могу, оппонировав Косыгину, сказать, что существовала апробированная в годы кризиса 1929-1933 г. г. теория английского экономиста Кейнса, применение которой вывело в своё время мир и США, в частности, из упоминающегося кризиса. Велосипеда не надо было изобретать. К слову будет отметить, что этот жесточайший экономический кризис не привёл США к распаду на составляющие его штаты – на месте США не образовалось множества суверенных государств: Мичиган, Огайо, Невада и проч.

Франклин Рузвельт, применив в экономике кейнсианскую модель, сбалансировал спрос и предложение, ввёл контроль над ценами, обеспечил занятость населения. Он пошёл на жесточайший конфликт с господствующими в стране финансовыми воротилами, но цели достиг. Кризис был преодолен. Прорехи капиталистической модели, её недостатки Рузвельт корректировал социалистическими подходами, присутствовавшими в модели Кейнса.

Экономический же курс Чикагской школы монетаризма, где роль государства в экономике страны сведена к минимуму, взятый «с лёгкой руки» Чубайса и Гайдара на вооружение горбачёвским руководством СССР и продолжающийся по сей день как в России, так и во всех других (за редким исключением) бывших советских республик, а сейчас – государств, уверенно ведёт к ещё большей дезинтеграции постсоветского пространства и уничтожению его цивилизационного кода, обезоруживая перед лицом мирового паразитического финансового капитала.

5. *Г.Б. Спасибо, Сэда Константиновна, за очередной Ваш ёмкий ответ и за то, что он, как и предшествующие ответы нашей беседы, вызывает обильную пищу для размышлений. Полностью разделяю Вашу точку зрения на коррекцию Лениным учения Маркса. Действительно, в результате такой коррекции получилось, что классической немецкой логике Маркса, согласно которой питательной средой для перехода к социализму, причём в мировом масштабе, является развитый капитализм – тоже в мировом масштабе, Ленин противопоставил свою логику. Её базовый принцип состоял в том, что проще организовать революцию в «слабом звене капитализма», а потом уже постараться расширить идею социалистического строя на весь мир. И этим «слабым звеном» стала у Ленина отсталая, измотанная тогда Первой Мировой войной крестьянская Россия.*

В результате случилась Октябрьская революция 1917 года, которая получила заметную популярность и в ряде других стран. Но у нас после неё начался такой хаос, Гражданская война и разруха, что Ленину пришлось прибегнуть к НЭПу.

Поначалу НЭП существенно оживил экономику, но с какого-то момента стал ощущаться дисбаланс между развитием промышленности и сельского хозяйства. А после того как в 1925

году грянул кризис хлебозаготовок стало очевидным, что НЭП – не панацея, и надо идти другим путём.

Вот такую страну пришлось принять Сталину, при котором с её «мобилизационной моделью» она в конечном счёте превратилась в мощную индустриальную державу с полным балансом между развитием промышленности и сельского хозяйства.

И здесь мы переходим к следующему вопросу о том, что **«диктаторский режим того времени (времени правления Сталина – Г.Б.) убил в человеке под страхом расстрелов, репрессий, ссылок и пр., независимую мысль...»**. Мне много доводилось говорить на эту тему с моими родителями-фронтовиками, их боевыми товарищами и другими людьми того поколения, и такое о сталинском режиме слышал редко. Почти у всех, с кем говорил на протяжении многих лет, была гордость за такую «мобилизационную модель» и ностальгия по временам, когда у власти был Сталин. И об «усталости общества» времён правления Сталина от них не слышал. К тому же Сталин ввёл многоукладность экономики, что в первую же сталинскую пятилетку дало серьёзный экономический эффект. И так продолжалось до конца его правления, а потом по инерции до 1956 г., пока Хрущёв не ликвидировал этот сектор народного хозяйства.

Что касается массовых **«расстрелов, репрессий, ссылок и пр.»** при Сталине, есть документальные факты, обнародованные известным историком Евгением Спицыным, согласно которым в июне 1954 года была создана специальная комиссия, получившая поручение Президиума ЦК пересмотреть все политические уголовные дела. Комиссия работала десять месяцев, после чего направила Хрущёву и остальным членам Президиума ЦК докладную записку. В ней говорилось, что рассмотрены 237 тысяч уголовных дел по политическим мотивам. Из них реабилитации подлежали 3, 75% осуждённых. Остальные были признаны государственными преступниками. Но после этого, всё равно, по отношению ко многим из них применили амнистию, а некоторым снизили меру наказания.

Любопытно, что по РСФСР было рассмотрено 76,5 тысячи дел. Реабилитировали 4,8% осуждённых. По Украинской ССР, где с января 1938 по декабрь 1949 года Хрущёв был первым секретарём ЦК, реабилитировали 0, 91% осуждённых. Это к вопросу о том, насколько репрессии были незаконными. Даже люди, заранее «заряжённые» на доказывание преступности сталинского режима,

расписались в том, что подавляющее большинство – 95-99% осуждённых, были осуждены правильно.

В 1956 году, уже после 20-го съезда, провозгласившего курс на десталинизацию, вышло постановление ЦК о создании ещё одной комиссии, которую возглавил Аверкий Аристов, который был тогда секретарём ЦК КПСС, членом Президиума ЦК КПСС и фактически «хозяином РСФСР».

В рамках этой комиссии создали целых 97(!) местных комиссий, которые по территориальному принципу были направлены в места лишения свободы, чтобы **на своё усмотрение во внесудебном порядке** решать вопрос, кого освободить, кого нет.

Вот как проходила «хрущёвская реабилитация». Вот откуда и появились сотни тысяч узников сталинских лагерей **якобы невинно осуждённых**.

Несколько же процентов, действительно, невинно осуждённых, о чём шла речь чуть раньше, попали за решётку в результате перегибов местных органов НКВД (позже МВД), следовавших тезису Сталина, высказанному 9 июля 1928 года на Пленуме ЦК ВКП(б): **«по мере нашего продвижения вперёд, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а Советская власть, силы которой будут возрастать, будет проводить политику изоляции этих элементов..., создавая базу для дальнейшего продвижения вперёд рабочего класса и основных масс крестьянства...»**

По тем временам тезис был абсолютно логичен, но к сожалению, привёл и к невинным жертвам, за что главы НКВД (1934-1936 г. г.) Генрих Ягода и (1936-1938 г. г.) Николай Ежов были впоследствии арестованы и расстреляны по приказу Сталина.

Что касается разговора о экономической реформе, предложенной в 1965 г. Косыгиным, которая в первую пятилетку при Брежневe, названную «золотой восьмой пятилеткой», дала серьёзный экономический эффект, а потом по известным причинам, не имеющим никакого отношения к экономике, была свёрнута, Вы абсолютно правы – Алексей Николаевич опирался на теорию Кейнса. Он хорошо её знал и ценил. Мне известно это не понаслышке, а от моего отца, который в те времена входил в состав коллегии Совета Министров СССР, на одном из заседаний которой, Косыгин сказал, что, если вернуть в стране многоукладность сталинской экономики, то она под контролем государства даст тот же эффект, что и экономика США в годы выхода её из кризиса (1929-1933 г. г.).

Недаром ещё Сталин отмечал Косыгина, как одного из самых толковых государственных деятелей, который, к тому же, «не был замечен ни в одной политической интриге».

Ещё раз, благодарю Вас, Сэда Константиновна, за такой обстоятельный разговор.

И в завершение этого раздела нашей беседы, очень бы хотелось знать, существует ли на Ваш взгляд модель государственного устройства, которая исключает принципиальные кризисы его функционирования?

С.В. Кризис – сигнал о неблагополучии. А вот, какого рода неблагополучии, надо разбираться отдельно в конкретном случае и принимать соответствующие меры.

В экономике существует уже упоминавшаяся антикризисная теория Кейнса. В настоящее время получило развитие посткейнсианство – принципы кейнсианской модели широко используются в Китае, не чужд им и экономический курс Лукашенко и Назарбаева.

Сюда надо добавить и теорию интегральной экономики недавно скончавшегося академика РАЕН Георгия Николаевича Цаголова.

А ещё ранее был антикризисный курс правительства Николая Ивановича Рыжкова, тоже не чуждый курса экономической теории Кейнса. Но это антикризисное правительство Рыжкова волюнтаристским, если не сказать хуже, жестом Горбачёва было отправлено в отставку. На экономическом Олимпе России воцарились и царят по сей день последователи ведущей страну в пропасть чикагской школы Милтона Фридмана.

Г.Б. Спасибо, Сэда Константиновна за это дополнение к нашей беседе, поскольку, действительно, любой сигнал о неблагополучии в механизме государственного развития требует адекватной реакции для устранения этого неблагополучия.

И тут мы невольно возвращаемся ко временам правления Сталина, при котором всё это было – и эффективная многоукладная экономика под строжайшим контролем государства (потому и эффективная), и постоянное реагирование экономического развития на требования времени.

А во главе угла при Сталине стоял в первую очередь принцип снижения себестоимости производимой продукции, что автоматически приводило к увеличению денежной прибыли, и это положительно отражалось на жизненном уровне людей.

И тут невольно вновь напрашивается вопрос, который уже звучал в нашей беседе – чего не учёл или не успел учесть Сталин, чтобы и после него государственная система оставалась такой же сильной и жизнеспособной, как и во времена его правления.

Может быть дело в том, что принято называть «человеческим фактором». Ведь начиная со времени правления Хрущёва пошло постепенное разложение в рядах партийной верхушки, которое при Сталине было невозможным, поскольку он беспощадно за это карал, являясь примером лидера, достойным подражания.

Ну, а поскольку, как известно, «рыба гниёт с головы», всё происходящее после него и пошло по наклонной плоскости – сначала медленно, а к концу 80-х уже угрожающе высокими темпами. Что и привело к распаду великого Советского Союза, а потом к сегодняшнему печальному состоянию в обществе и экономике современной России.

Отсюда, наверное, вытекает и другой вопрос. Можно ли было выстроить такую систему государственного устройства, которая не допускала бы разложения в рядах высшего руководства – отторгала бы малейшее движение в эту сторону?

Но, думаю, этот вопрос требует отдельного разговора.

А Вас, Сэда Константиновна, ещё раз благодарю за любезное согласие на эту беседу и глубинную ёмкость Ваших ответов.